

ВРЕМЯ И МЫ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ
И ОБЩЕСТВЕННЫХ
ПРОБЛЕМ

Десятый год издания

Выходит один раз
в два месяца

77
1984

НЬЮ-ИОРК—ИЕРУСАЛИМ—ПАРИЖ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ВРЕМЯ И МЫ" — 1984

Борис ХАЗАНОВ

ЗИНАИДА ШАХОВСКАЯ О ЛИБЕРАЛИЗМЕ

В сто сороковом номере журнала "Вестник Русского христианского движения" напечатана статья княгини Зинаиды Алексеевны Шаховской "О либералах. На опасные темы". Слово либералы поставлено автором в кавычки; по-видимому, это означает, что лица, упоминаемые в статье — А.Янов, К.Любарский, Е.Эткинд, А.Синявский и другие, — не настоящие либералы или по крайней мере не те, за кого они себя выдают. Автор дает обобщенную характеристику этих людей. Все они отличаются нетерпимостью и дружно ненавидят Россию. Они — враги православной церкви. Перспектива освобождения русского народа их пугает. Они вскормлены марксизмом, занимали в Советском Союзе видные посты и теперь продолжают тосковать по марксизму; этим объясняется их стремление во что бы то ни стало доказать, что марксизм чисто русская идеология.

Одновременно в статье сделана попытка охарактеризовать всю эмиграцию 70-х годов, к которой принадлежат мнимые

либералы. Эта эмиграция, по мнению автора, не может считаться русской. Она состоит из евреев или тех, кто выехал при содействии евреев, и должна называться не русской, а советской.

Возражать против положений статьи трудно, так как З.А. Шаховская не подкрепила свои утверждения конкретными ссылками и не всегда ясно, кого именно среди названных ею — в действительности очень разных — людей она имеет в виду. Кроме того, ее оценки непоследовательны: если “либералы” — скрытые марксисты и если, с другой стороны, ими руководит ненависть к России, почему они стараются доказать, что марксизм — русская идеология?

Я не имею права оспаривать и утверждение, будто эмиграция послевоенного времени — не русская, так как я сам еврей. У меня нет намерения дискутировать с г-жой Шаховской по общим вопросам; если ей хочется называть людей нашего поколения и нашей судьбы советскими людьми — пусть будет так: это только лишний раз показывает, что провести четкую границу между понятиями “русский” и “советский” не так просто, как это кажется людям, не жившим в СССР.

Однако мне бросились в глаза некоторые замечания автора, не отвечающие, как мне кажется, той этической и культурной традиции, от имени которой выступает г-жа Шаховская. Я не могу здесь перечислить все те неловкости, которые она или редактор не сочли нужным вычеркнуть из текста статьи, и ограничусь несколькими.

Поводом для выступления Шаховской послужила, по ее словам, книга А.Янова “Новая русская правая”. Она добавляет: “Мне мало что известно об авторе: бывший партиец, литературовед...” Очевидно, что упоминание о бывшем партийце, несмотря на то что Шаховская почти ничего не знает о Янове, не случайно. Оно должно дать понять читателю, что он имеет дело с заведомо нечестным человеком. Боюсь, что и мои собственные высказывания можно ниспровергнуть аналогичным приемом: хотя я не был ни “партийцем”, ни комсомольцем, однако я состоял в пионерской организации,

участвовал в пионерских линейках. Можно предположить, что и сама Зинаида Алексеевна не застрахована от подобной полемики.

Я не обсуждаю здесь концепцию Александра Янова. С ней можно согласиться или не согласиться. Но мне непонятно, каким образом журналистка, выступающая в защиту поправленных русских ценностей, решилась прибегнуть к приему, который называется *argumentum ad hominem* и в России всегда считался достоянием желтой прессы. Желая опровергнуть взгляды оппонента, стараются опорочить его как человека, ссылаясь на те или иные детали его биографии.

То же оружие применено против А.Синявского. Автор статьи пишет: "...был в лагере, по-видимому, в довольно благоприятных условиях, позволивших ему не прерывать литературную деятельность, и, вернувшись в Москву, можно предположить, был он там окружен культом личности..." Это первое, с чего З.А.Шаховская начинает.

Судьба не предоставила княгине Шаховской счастливую возможность заниматься литературным творчеством в концлагере, и этим, вероятно, объясняется тон ее замечаний. В противном случае она постыдилась бы так писать. Мне же всегда казалось, что человек, не сидевший в лагере, не имеющий представления о том, что это такое, не имеет морального права уличать бывшего заключенного, кем бы он ни был, в том, что тот вел райскую жизнь в заключении. Я не могу понять, почему это соображение, диктуемое простой порядочностью, не приходит в голову автору статьи.

"Отношение его /Синявского/ к Солженицыну, показывает, что ему как-то тесно в одном мире с этим писателем". Было бы интересно узнать, откуда Зинаида Алексеевна это вычитала и что, собственно, означает ее фраза. Что Синявский желает смерти Солженицыну? Поразительно легкомыслие, с которым пожилая дама отпускает колкости по адресу людей, которых она, по ее собственному признанию, не знает. Синявский, замечает З.А.Шаховская, занимает среди "либералов" особое место: "К номенклатуре он не принадлежал". Другие, следовательно, принадлежали. Тогда можно спросить:

знает ли Зинаида Алексеевна, что такое номенклатура? Ведь уже то, что она пользуется этим термином вместо применяемого в Союзе обозначения "номенклатурные работники", наводит на мысль, что ее сведения сугубо приблизительны. Если бы она понимала, о чем идет речь, она не поставила бы себя в неловкое положение, намекая читателю, что Эткинд, Шрагин, Любарский и так далее — бывшая "номенклатура".

Е.Г.Эткинда автор статьи именует "Э.Эткинд". Допустим, что это опечатка. Далее, однако, говорится о ненависти Эткинда к русскому народу и антирусском расизме. То обстоятельство, что профессор Эткинд несколько десятилетий своей жизни посвятил пропаганде русской культуры, что он автор получившей широкую известность книги о русском стихе, что под его руководством издано первое полное собрание сочинений Пушкина на французском языке и готовится четырехтомная история русской литературы по-итальянски, что благодаря ему опубликована одна из наиболее значительных книг отечественной литературы нашего века — роман Василия Гроссмана "Жизнь и судьба", не может поколебать уверенности г-жи Шаховской в том, что Эткинду ненавистно все русское.

Мне неловко признаться, но обвинения в патологической ненависти к русскому народу, весь этот словарь — поразительно напоминает язык газет в эпоху националистической кампании по борьбе с космополитизмом в СССР.

Что же касается антирусского расизма, то это выражение меня вовсе поставило в тупик. Расизм, как я понимаю, есть злонамеренное предпочтение, отдаваемое одной расе перед другой; в словаре Уэбстера говорится, что расизм — это "утверждение, что особенности психики и культуры предопределены биологической расой, уверенность, будто определенная раса изначально превосходит другие расы и призвана над ними господствовать". Примерно то же сказано в словарях Ушакова и Ожегова. Расизм, таким образом, имеет некоторое квазипозитивное содержание: "низшим" расам противопоставляется "высшая". Какая же?

Если расизм Эткинда и подобных ему — антирусский, то есть направленный против русских, то какой же он? Какова

та раса, которую злополучный Эткинд считает высшей? Таких вопросов можно задать много, и спровоцированы они, я надеюсь, не злой волей автора, а неразборчивостью в средствах.

“Не будь активного, воинствующего юдаизма в странах еврейской диаспоры, — пишет в другом месте З.А.Шаховская, — давно не существовало бы нигде еврейского вопроса”. Это, конечно, тоже очень некрасивая фраза. Из нее следует, что то, что обычно подразумевается под еврейским вопросом и его “окончательным решением”, обязано своим происхождением самому еврейству. Трудно допустить, чтобы Зинаида Алексеевна Шаховская в самом деле верила, будто приверженцы иудаизма сами виноваты в том, что их постигло в нацистской Германии, что происходило в средневековой Европе, в России и в Советском Союзе; но ведь именно таков смысл ее неосторожного заявления. Кстати, фраза, которую она роняет попутно, — что иудаизм в странах рассеяния обусловил возникновение государства Израиль, — также не вполне корректна. Наоборот, религиозная ортодоксия была той силой внутри еврейства, которая противопоставила себя политическому сионизму и выступила против возрождения “земного Иерусалима”.

Но в конце концов все это не так уж важно, ведь задача статьи другая: разоблачить новоявленных либералов, недавних советских эмигрантов как мнимых представителей России. И вот тут выясняется прискорбное обстоятельство. Представления г-жи Шаховской о нашей стране таковы, что разговор о реальных проблемах современной России — или, если угодно, Советского Союза — становится бессмысленным. Выясняется, что она этой страны попросту не знает.

Вот один пример. “Не знаю, — пишет автор статьи, — имеются ли в СССР... “крайние правые”, но уверена, что поощрения они от правительства не получают, поскольку известно, что русские националисты переправляются в Гулаг...”

Одной этой фразы достаточно, чтобы внушить каждому, кто живет в СССР или хотя бы помнит, как там живут, недоверие к суждениям З.А.Шаховской о сегодняшней России.

Можно было бы привести длинный список людей, которые не делают секрета из своего русского национализма и которым отнюдь не грозит опасность отправиться в лагерь. Напротив, национализм открывает им путь к карьере. Русскими националистами являются высокопоставленные советские писатели, такие как Михаил Алексеев, Петр Проскурин, Анатолий Иванов, Вадим Кожевников, Сергей Михалков, Владимир Солоухин, не говоря уже о множестве усопших корифеев, отличившихся в погромно-шовинистических кампаниях сороковых-пятидесятых годов.

Начиная со второй половины тридцатых годов и до сего времени русский национализм является обязательной составной частью советской идеологии и советского мировоззрения; это не случайная мода и не временный тактический прием. Прославление подвигов русского народа, величия русского государства, приоритета русской науки, необычайных достоинств русского национального характера — постоянная тема и неизменный мотив советских кинофильмов, пьес, романов, радиопередач, телевизионных постановок. Невозможно представить себе ни одного идеологического руководителя, который не придерживался бы националистического образа мыслей. Об отборе партийных кадров по национальному признаку, о националистических настроениях в рядах высшего офицерства и КГБ знает в СССР каждый, и можно подумать, что госпожа Шаховская упала с луны.

В заключение замечу, что в этой статье Зинаиде Алексеевне Шаховской изменяет и чувство языка. Статья грешит многими стилистическими небрежностями. По-видимому, существует некая закономерность: крайний национализм часто сочетается с невниманием к тому, что составляет самую душу нации — к ее языку.